

УДК 316.334.3:321

МЕТАФОРА «РАЗРУШЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА» КАК ИНСТРУМЕНТ КРИТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ РАЗДЕЛЁННОГО ОБЩЕСТВА**Литовченко Артём Дмитриевич** – кандидат социологических наук, доцент кафедры политической социологии Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина

В статье осуществляется критическое осмысление метафоричности языка социологии и политической социологии, в частности термина «политическое пространство». Предпринимается попытка критической абсолютизации метафоры «политическое пространство» при помощи её расширения за счёт вторичной метафоры «разрушение политического пространства». Обосновывается особая актуальность данной проблематики для политической социологии разделённых обществ. В качестве тестового кейса используется политическая ситуация и общественно-политические процессы в Украине 2012-2013 годов. Для проверки эффективности критической абсолютизации метафоры «разрушение политического пространства» применяется междисциплинарная логика критической и исторической социологии. Делается вывод о продуктивности метафоры «разрушение политического пространства» в формировании гипотез при анализе разделённых обществ в политической социологии.

Ключевые слова: критическая социология, политическое пространство, метафора «разрушение», терминология, разделённое общество

У статті здійснюється критичне осмислення метафоричності мови соціології та політичної соціології, зокрема, терміну «політичний простір». Робиться спроба критичної абсолютизації метафори «політичний простір» за допомогою її розширення за рахунок вторинної метафори «руйнування політичного простору». Обґрунтовується особлива актуальність даної проблематики для політичної соціології розділених суспільств. В якості тестового кейсу використовується політична ситуація і суспільно-політичні процеси в Україні 2012-2013 років. Для перевірки ефективності критичної абсолютизації метафори «руйнування політичного простору» застосовується міждисциплінарна логіка критичної і історичної соціології. Робиться висновок про продуктивність метафори «руйнування політичного простору» у формуванні гіпотез при аналізі розділених суспільств в політичній соціології.

Ключові слова: критична соціологія, політичний простір, метафора «руйнування», термінологія, розділене суспільство.

The article is devoted to a critical interpretation of the metaphorical kind of language of sociology and political sociology, in particular, on the term "political space". An attempt to critically absolutize the metaphor of "political space" by expanding it with the secondary metaphor "the destruction of political space" is made in the article. The special urgency of this problem for the political sociology of the divided societies is substantiated. The political situation and socio-political processes in Ukraine 2012-2013 are taken as a test case. The interdisciplinary logic of critical and historical sociology is applied to test the effectiveness of the critical absolutism of the metaphor "the destruction of political space". The conclusion about the productivity of the metaphor "the destruction of political space" in the formation of hypotheses in the analysis of divided societies in political sociology is made.

Keywords: critical sociology, political space, metaphor of "destruction", terminology, a divided society

Актуальность темы фиксируется как на уровне проблем развития академической социологической науки, так и на собственно социальном, точнее, социально-политическом уровне. С одной стороны, социология в своем столь же интенсивном, сколь и разноплановом развитии по сей день не избавилась от свойственной многим социально-гуманитарным дисциплинам размытости терминологии. Определённое пристрастие к ярким, запоминающимся и «цепляющим» внимание аудитории словам, свойственное социологам как из числа условных классиков, так и вполне современным, само по себе не представляет проблемы (если только указанное слово проходит необходимую процедуру терминологизации). Однако если всё исчерпывается простым заимствованием, то в результате мы сталкиваемся с подменой термина броским ярлычком с иллюзорно очевидным смыслом. Точечное наличие подобных псевдотерминов в аппарате большинства социогуманитарных дисциплин представляется сегодня почти неизбежным; однако при больших масштабах возникает отчётливая угроза декларативности научного языка с последующим снижением объяснительного потенциала, валидности выводов и так далее. Терминологический аппарат,

безусловно, уязвим не только по отношению к метафорам (достаточно вспомнить о социологических заимствованиях из понятийных аппаратов других наук, которые отнюдь не проясняют суть обозначаемых ими социальных явлений и процессов); однако метафоры особенно часто внедряются в терминологию таких публично востребованных ветвей социологического знания, как, например, политическая социология или социология культуры. Именно поэтому переосмысление терминологического аппарата политической социологии, места и роли метафор в этом аппарате обладает неизменной актуальностью, особенно с учётом повышенного числа заимствований в силу исторически вторичного характера отечественной политико-социологической мысли. Можно сформулировать масштабную научную проблему метафоричности социологического языка (в том числе как фактора декларативности социологического дискурса), которая требует серьёзного и отнюдь не точечного исследования, выходящего за рамки одной статьи.

С другой стороны, отнесение Украины к разделённым обществам даже при наличии различных аргументов [см., напр., 2, 4, 9, 10] выглядит слишком очевидным. Очевидность¹ в науке может быть не менее опасной ловушкой, чем апелляция к здравому смыслу (плоская Земля – это и «здрavo», и «очевидно»). Поэтому критический анализ обоснованности применения к Украине концепции разделённого общества тем актуальнее, чем убедительнее аргументы в пользу этого применения и чем наивнее контраргументы. Тем более, что при работе с концепциями разделённого общества (Украина – не исключение) всегда сохраняется опасность «социологизировать» политические противоречия, придать частным, локальным расколам общесоциальный характер. Соответственно, критическое переосмысление любой составляющей концепции разделённых обществ (как и любой другой актуализируемой² концепции) не только является частным случаем «социологии социологии», но и необходимо для проверки работоспособности и уточнения возможностей данной концепции в конкретном политико-социологическом анализе. Если возникает предположение об уместности (особенно после 2014-го года) концепции разделённого общества в украинском кейсе, то вопрос, «почему вы решили, что украинское общество – разделённое?», должны ставить те же, кто выдвигает упомянутое предположение. Причём должны делать это регулярно: первый раз – на этапе формулировки предположения, чтобы опередить «скептиков» (выполняющих в данном случае апологетическую функцию по отношению к изучаемому обществу), ведь, будучи заданным «скептиками», приведённый вопрос становится не инструментом дискуссии, но антикритическим орудием³; в дальнейшем – на каждом этапе развёртывания анализа с использованием концепции, поскольку риск быть замороженным яркой концепцией лишь повышается по мере развития исследовательского процесса, и компенсировать этот риск должен сам исследователь, а не его идейные (и, тем более, идеологические) оппоненты. Схематически обозначенная двойственная актуальность воспроизводит двойственность достаточно масштабной проблемы, одна из сторон которой находится в фокусе данной статьи. Это проблема общества и формируемого этим обществом социального знания; проблема «самообмана», к которому тяготеет общественное сознание, – и проблема воспроизводимой декларативности⁴ социального знания, которая ведёт к понижению объяснительной силы социальных наук вкпе с фиксацией их апологетической функции как безальтернативной. Исходя из вышесказанного, исследовательский вопрос конкретной статьи может быть сформулирован следующим образом: возможна ли критическая реинтерпретация метафоры «разрушение» применительно к политическому пространству Украины как разделённого общества? Этот вопрос раскладывается на целую цепочку внутренних и отвечающих вопросов, каждый из которых, в свою очередь, может стать ориентиром для отдельного исследования. Здесь они подниматься не будут; статья фокусируется на определении того критического потенциала, которым гипотетически обладает метафора «разрушение политического пространства» как на

¹ Даже (а, может, и в особенности) если речь идёт о гуссерлевой самоочевидности.

² Именно так, поскольку речь идёт не о некоей «естественной» или «очевидной» актуальности, а о придании таковой актуальности определённой частью научного сообщества. Что, безусловно, отнюдь не исключает и наличия объективных оснований обозначенного процесса.

³ Уместно также вспомнить о «защите умолчанием», которое применяется, в частности, для маскировки идеологической функции социологии; об этом упоминает в своей статье А. Н. Поступной [5, с. 142]. Контекстуализированная вариация этого приёма используется социологами и в противодействии актуализации неудобных или попросту неместных для доминирующей идеологии тем и вопросов, как, например, в случае с «разделённым обществом». Другое дело, что актуализация, в свою очередь, также может быть всего лишь реверсией этого приёма и воплощать столь же предвзятую позицию, хоть и не апологетическую, а критическую. Важное, хотя и представляющееся многим всего лишь техническим нюансом, различие между критической актуализацией и апологетической «инактуализацией» заключается в том, что первая априори требует аргументации, а вторая в силу «консервативной пассивности» (как в случае любого сохранения и охранения статус-кво) представляется естественной и не требующей специальных доказательств. Такой произвольный и избирательный перенос нормы «доказывает утверждающий» вряд ли имеет под собой основания, что ничуть не мешает ему воплощаться в социологическом дискурсе, как правило, устном, что затрудняет его анализ.

⁴ Воспроизводимой, поскольку декларативность терминологии отображается в той или иной степени во всём корпусе знаний соответствующей науки.

терминологическом уровне (применительно к понятию «политическое пространство»), так и на аналитическом уровне (применительно к Украине как к разделённому обществу). Соответственно, целью статьи является диагностика вышеупомянутого потенциала. Реализовать эту цель можно, на наш взгляд, работая одновременно в рамках политической социологии и на пересечении критической социологии, социологии социологии (в том, что касается анализа и оценки метафоричности социологического языка), а также исторической социологии (в работе с конкретным украинским кейсом).

Говоря о социальном и политическом пространстве, неизбежно сталкиваемся с метафорическим эффектом. Эта общая⁵ для всей социологической терминологии проблема заметно обострена в политической социологии, что не сложно объяснить. Политическая социология, во-первых, не только характеризуется научной междисциплинарностью, но и «по долгу службы» разнообразно пересекается с ненаучными сферами – публицистикой, журналистикой, идеологией, гражданским активизмом и т.д., каковые, в свою очередь, тяготеют не просто к метафорам, но к метафорам плакатным, «ярким до зажмуривания». Да и сама политика, будучи сферой публичной и воплощённой прежде всего в языке, неизбежно «заражает» политическую социологию избыточной тягой к метафорам. Всё это в сочетании с обильными заимствованиями из дисциплинарного языка политологии и воспроизведением традиционных социологических метафор приводит к перенасыщенности политической социологии метафорами, начиная от «элиты» и «харизмы» до «коррупции» и «эрозии власти»⁶. Во-вторых, в политике существенно менее очевиден её материальный онтологический уровень – особенно если вы не марксист⁷ и придаёте этому факту излишнее значение. В социологии труда, в социологии семьи, в экономической социологии материалистом быть непредусудительно; однако в политической социологии последовательный материализм может повлечь упреки в экономическом детерминизме и марксизме, а для некоторых постсоветских социологов (в том числе исследующих политику) нет обвинения страшнее. Наконец, именно в политической социологии часто происходит неявное «освобождение» терминологизированной метафоры от метафоричности, когда использование той или иной метафоры буквализируется и приписываемый обозначаемому явлению или процессу смысл перестаёт осознаваться как перенесённый. В этом случае «коррупция» рассматривается буквально как «повреждение», «разъедание» общественно-политических устоев; «народ» – как реальная, а не мыслимая общность; «харизма» – как объективно присутствующее качество лидера; «элита» – как действительно лучшие представители общества, вопреки всему массиву критики подобного понимания; «политическое пространство» – как строгий аналог пространства физического. Сохраняя яркость и маскируя метафоричность, подобные термины создают иллюзию понимания и объяснения реальности, так же, как декларативный политический дискурс «замутняет» политику вместо её прояснения.

О возможном преодолении этой трудности скажем чуть ниже; здесь же отметим лишь, что об очищении языка и терминологии политической социологии (как и социологии в целом) говорить бессмысленно. Во-первых, метафоричность – свойство языка как такового (речь, конечно, не о поэтической, а об обыденной метафоричности). Во-вторых, даже в научном языке она может быть вполне функциональна (хотя вряд ли стоит по аналогии с обыденным языком говорить о наличии онтологической и ориентационной функций). В-третьих, отказ от метафор может привести попросту к утрате политической социологией и социологией в целом терминологического аппарата как такового⁸. Однако и принимать избыточную метафоричность как неизменную данность нет оснований, поскольку «освобождение» метафор⁹, их буквализация, как уже говорилось выше, в состоянии затормозить науку вплоть до её распада на автономные внесистемные направления (перспектива, гипотетически приятная сердцу разве что демонстративных постмодернистов и радикальных адептов «мультипарадигмальности»). Другой вариант исхода – тотальная литературизация социологии, что, пожалуй, и не повредило бы большинству социологических работ (в частности, этой) с точки зрения стиля, но обесмыслило бы дальнейшее существование социологии, поскольку даже в нынешнем своём состоянии она иногда уступает литературе

⁵ Вспомним «парадигмальную» органическую метафору Г. Спенсера; метафору «системы» Т. Парсонса по отношению к обществу, произвольно изъятую из кибернетического контекста; метафорическое обозначение целей как «функций» того же автора; метафору «рынка», беззастенчиво навязываемую политмаркетологами по отношению к политике; и т.д.

⁶ О совсем уж неприличных «менталитетах» и «архетипах» не будем даже упоминать.

⁷ Такая «закономерность» свойственна прежде всего отечественной социологии; это постсоветский эффект, от которого свободна социология западноевропейских и североамериканских стран.

⁸ О месте и роли метафор в научном языке, о соотношении и гибкой взаимосвязи метафор и понятий подробно пишет А. Филиппов в параграфе «Метафорика социального пространства» книги «Социология пространства»[7].

⁹ Об опасности стирания грани между понятием и метафорой и особо об опасности перехода понятий в статус «стершихся метафор» любопытно и достаточно убедительно писал А. Лефевр, с которым отчасти (по крайней мере, в постановке целевого вопроса) солидаризируется и А. Филиппов, критикующий, однако куда менее убедительно, его исходную позицию [7, с. 181-182].

в эффективности и точности анализа социальной действительности¹⁰. Ещё раз подчеркнём: проблема – не в метафоричности как таковой научного (социологического, политико-социологического) языка, а в её избыточности, которая ведёт к «освобождению» метафор.

Учитывая вышесказанное, вернёмся к понятиям социального и политического пространства. Диапазон трактовки политического пространства достаточно широк – от признания его частным случаем (подпространством) социального, что подразумевает отказ признавать какие-либо значимые специфические черты этого частного случая, до наделения его в рамках социального пространства (или вне их) самостоятельными свойствами и функциями. Социальное пространство, в свою очередь, можно трактовать в формальном контексте (Г. Зиммель), стратификационном (П. Сорокин¹¹), территориальном (Т. Парсонс¹²), полевым, а также капитально-диспозиционном (П. Бурдьё), деятельностном (П. Штомпка, А. Турен), властным¹³ (А. Филиппов). Не вдаваясь в нюансы и подробности каждой из концепций, отметим, что вся проблематика социального пространства в социологии несёт на себе отпечаток метафоричности самого термина; не случайно А. Филиппов одной из задач своих изысканий в тематике социального пространства называл выработку теоретической стратегии, позволяющей работать одновременно с понятиями и метафорами, а также прояснение смысла метафоричности социального пространства [6].

Вне зависимости от того, придают ли политическому пространству некую специфику относительно социального или нет, «неметафорическое» понимание политического пространства, как, например, у А. Венгерова (когда под политическим пространством фактически понимаются политические смыслы или эффекты физического пространства государства, страны [1, с. 61.]), остаётся редким и характерно, скорее, для политологии. Политическая же социология в проблематике политического пространства даже более чувствительна к метафоричности, нежели в иных проблемных полях, особенно если речь идёт о стратификационных трактовках (что не удивительно: в конце концов, из заимствованных метафор «стратификация» в социологии занимает наиболее значимое место). О возможном вреде избыточной метафоричности сказано уже достаточно; следующий вопрос – что с ней делать? Эта тематика тезисно уже затрагивалась нами в рамках II Конгресса САУ [3]. В опубликованном тогда материале предлагался отчасти язвительный не столько метод, сколько приём компенсации негативного воздействия избыточной метафоризации научного языка и терминологии политической социологии. Предлагалось довести конкретную терминологическую метафору до логического завершения (или абсурда, что в рассматриваемом случае не очень разнится), придав ей абсолютный характер, наделив итоговый объект переносимого смысла всеми свойствами исходного объекта и применив к нему вторичные метафоры, следующие из основной, но в терминологическом аппарате отсутствующие. Если в результате метафора «работает», позволяет в какой-то степени прирастить или уточнить знание об объекте, её можно считать относительно эффективной, а декларативность терминологии и отчуждение научного языка от действительности хотя бы отчасти преодоленными. Этот характерный для такого направления критической социологии, как «критика понятий», приём, по механизму соответствующий формуле «клин клином», нередко применяют к избыточной аналогизации в науке; будучи применённым, например, к органической социологии Г. Спенсера, этот приём даёт столь же забавные, сколь и красноречивые результаты. В случае с политическим пространством перспективы этого приёма не так безграничны, как может показаться, поскольку сам тезис о первичности понятия физического пространства по отношению к метафоре пространства социального и политического требует, вопреки своей самоочевидности, отдельного доказательства [7, с. 186-187]. То есть полной уверенности в том, что физическое пространство является исходным объектом метафоры политического, нет, а, значит, и критическая абсолютизация метафоры политического пространства может оказаться неэффективной. Тем не менее, к политическому пространству и без нашего приёма применяются сопутствующие метафоры, начиная от «протяжённости» и «границ» и заканчивая «точками фокусировки». Следовательно, попытка критической абсолютизации, как минимум, имеет смысл.

Вторичная метафора, которую предлагается применить для решения поставленной задачи – это «разрушение». Говорить о разрушении физического пространства (хоть обычного, хоть пространства-времени) вовсе не так просто, как кажется авторам околонушной фантастики, однако всё же возможно. Применительно к политическому пространству метафору «разрушение» возможно использовать лишь в

¹⁰ Даже если ограничиться одной лишь фантастикой – Ст. Лемом, Ф.К. Диком, братьями Стругацкими и д., - то можно будет пересмотреть авторство многих социологических идей и концепций, а некоторых авторов (например Ж. Бодрийяра), может, и вовсе вычеркнуть из социологических «святцев».

¹¹ Впрочем, с теми же основаниями можно обнаружить в концепции Сорокина и диспозиционную логику, созвучную логике Бурдьё, которую Филиппов, в свою очередь, считает «теоретически ошибочной» [6].

¹² Говорить о наличии у Парсонса «концепции социального пространства» можно лишь отчасти.

¹³ Концепция социального пространства А. Филиппова многопланова, и, помимо центрального концепта власти, заметную роль в ней играют, как минимум, концепты места, тела, региона, идеи и т.д.

том случае, если мы говорим об этом пространстве как о чём-то возникшем и существующем в относительно структурированном и ограниченном виде. Тут, на наш взгляд, кроется важное отличие политического пространства от социального, отличие, позволяющее применение метафоры «разрушение» к политическому, но не к социальному пространству. Социальное пространство разнообразно, его организованность и структурированность не столько появляется и исчезает, сколько трансформируется; при этом социальное пространство – это не только «порядок», это и «беспорядок» тоже, и применить к нему метафору «разрушение» невероятно сложно, потому что это с большой вероятностью вынудило бы констатировать разрушение общества как такового. Невозможно? Отчего же? Возможно, но только уже не в рамках социологии, какой бы то ни было её парадигмы, – следовательно, в нашем случае фактически невозможно.

Однако если социальные координаты социология принимает как залог собственной осмысленности, то политическая социология принимает в этом качестве те же социальные, а вовсе не политические координаты. Именно поэтому метафора «разрушение» применима к политическому пространству, если даже не в целом, то, как минимум, к важнейшему аспекту политического пространства – его социальному восприятию, отображению в социальном сознании. Дж. Тёрнер трактовал социальное пространство в целом как организованное пространство взаимодействия [8, с. 60], указывая также на значимость «нормативизации» (наряду с регионализацией, рутинизацией, ритуализацией и категоризацией) для микроуровня социального пространства. Вовсе не обязательно полностью солидаризироваться с Тёрнером, чтобы признать за политическим пространством (возможно, кроме его макроуровня) не меньшую, а, может, и большую связь именно с нормативизацией. Если социальное пространство – это и порядок, и хаос, то пространство политическое – это совокупность различных вариаций порядка, в каждой из которых хаос локален и вторичен. Социальное пространство организуется социальной структурой в целом, а организованный характер политического пространства – это прежде всего функция нормативности, обеспечиваемой соответствующими институтами. Ограничительная (в смысле *установления и определения границ*) функция норм в политическом пространстве заметно усилена и формализована по сравнению с пространством социальным во многом за счёт пересечения политики и права. Рассуждать на тему бытийствования норм в политике в этой статье мы не будем, как и всерьёз разбираться, бытийствует ли само политическое пространство или является феноменом сознания; сосредоточимся, как уже было сказано, на уровне восприятия политики общественным сознанием, всегда игравшем для политической социологии значимую роль (достаточно вспомнить хотя бы одну из центральных для всей политической социологии концепцию легитимности). На этом уровне нормы наряду с идеологическими ориентирами представляют собой вехи политического пространства, ограничивающие и размечающие его реперные точки, дающие людям ощущение измеримости политического пространства, открывающие возможности его понимания и трактовки. В сочетании с политическими и силовыми институтами нормативность не просто оформляет политическое пространство для его участников, а создаёт его (в метафорическом, конечно, смысле). На микроуровне и мезоуровне осознание политической нормативности, правил и границ взаимодействия с другими обитателями политического пространства и восприятие политических институтов является основой для осознания себя в политике, основой политической идентификации.

Каким же образом политическое пространство может быть «разрушено», на что может указывать эта метафора? Крах, деконструкция нормативности, дисфункциональность политических институтов. Снижение доверия к тем или иным политическим институтам (нередко сопровождающееся снижением потребности в них) приводит к тому, что из «звёзд» они становятся «чёрными дырами» и вместо упорядочивания политического пространства радикально искажают его характеристики, вплоть до разрушения. Нормативность утрачивает поддержку, правила размываются, однако «политической аномией» не исчерпывается, поскольку дезориентация восприятия и идентификации сопровождается дезорганизацией деятельности. Каков характер разрушения политического пространства, стихийный или целенаправленный, естественный или искусственный? Это не имеет принципиального значения, поскольку сама дизъюнкция «естественное – искусственное» в политической социологии представляется если не надуманной, то во всяком случае не обязательной. Тем более, что разрушение политического пространства как процесс вполне может сочетать естественные предпосылки с намеренным воздействием агентов¹⁴. Важна не столько «природа» этого процесса, сколько то, что общественное сознание воспринимает его как разрушение политического пространства и соответствующим образом реагирует. Как именно? Этот вопрос явно не входит в число актуальных для данной статьи, однако сам по себе свидетельствует, что критическая абсолютизация метафоры политического пространства до «разрушения» оказалась бесполезной.

¹⁴ Отметим: осуществлённая критическая абсолютизация метафоры политического пространства может подразумевать «полное разрушение», но вряд ли «окончательное»

Попытаемся применить нашу абсолютизированную метафору к конкретному кейсу, реализовать её гипотетическую объяснительную силу хотя бы в тестовом режиме. Здесь нам будет кстати исследовательская логика исторической социологии, поскольку даже метафорическое разрушение политического пространства – процесс достаточно масштабный, чтобы, во-первых, рассматривать его как социальное изменение, во-вторых, признавать необходимость дистанцированного (во временном отношении) анализа. Кейс для наглядности можно было бы взять максимально масштабный, например распад СССР¹⁵, однако объёмы статьи этого не позволят. Поэтому для тестового анализа будет взят кейс, который в своё время спровоцировал возникновение центральной идеи статьи. Речь идёт об украинском кейсе 2012-2014-го годов. Если в 2013-м можно было лишь прогнозировать перспективные эффекты разрушения политического пространства (ничто не вызывает такой скепсис социологов, как прогнозы коллег, особенно идейно чуждые), то сегодня мы эти эффекты уже знаем как социоисторические факты и можем вернуться к процессам 2012-го – 2014-го годов как к предпосылкам, а главное – как к индикаторам развивавшегося разрушения политического пространства.

Безусловно, напрашивается применение абсолютизированной метафоры конкретно к событиям так называемого Евромайдана, начиная от инцидента, получившего название «разгон студентов», и заканчивая трагическими столкновениями февраля 2014-го (развитие событий после смены власти – это уже отдельный кейс). Однако при всей наглядности ничего особенно ценного в том, чтобы маркировать «бульдозерные» и «коктейльные» атаки на отряды силовиков и правительственные учреждения как «разрушение политического пространства», нет. Во-первых, сам по себе массовый протест, даже самый масштабный и агрессивный, взятый вне контекста, не является индикатором разрушения политического пространства. Гораздо важнее формального выхода за политические нормативные «рамки допустимого» восприятие этого выхода общественным сознанием и, безусловно, факторы как самого выхода, так и восприятия. Причём среди этих факторов и предпосылок особенно важны направленные – стихийно ли, организованно – на дискредитацию нормативности, воплощённую институтами. Фокусировать внимание на таких институтах, как парламент или правительство, не стоит, поскольку недоверие к ним является, скорее, обязательной технической характеристикой постсоветской электоральной демократии и, не представляя собой чего-либо исключительного, само по себе индикатором разрушения политического пространства признано быть не может; хотя таковое недоверие, безусловно, стоит учитывать. Необходимо сосредоточиться на тех политических или политически значимых институтах, с которыми общественное сознание сталкивается в повседневности, функционирование которых связано с постоянным воспроизводством и поддержкой нормативности, – на правоохранительных и судебных институтах. Критическое понижение доверия к милиции и судебной системе в анализируемый период связано с тремя знаковыми событиями: изнасилованием и убийством Оксаны Макар в Николаеве весной 2012-го, вынесением приговора отцу и сыну Павличенко за убийство судьи Зубкова в Киеве осенью 2012-го и изнасилованием Ирины Крашковой во Врадиевке Николаевской области летом 2013-го года. Вдаваться в детали этих событий нет необходимости, для нас важен сходный эффект их воздействия на восприятие политики в общественном сознании. Все три дела оказались громкими и скандальными в национальных и даже международных масштабах; во всех трёх делах центральным элементом было критическое противопоставление граждан и нормативных институтов (милиции, прокуратуры, судебной системы); все три дела сопровождалось массовыми протестами и локальными бунтами, которые рано или поздно выходили за локальные пределы. Эффект противопоставления, перевода отношений граждан и милиции (прокуратуры, судебной системы) в координаты «свой» – «враг» усиливался за счёт высокой активности СМИ, занимавших однозначную «антиинституциональную» позицию; во всех трёх случаях деятельность милиции или судей выступала одновременно в качестве триггера протестов и бунтов и в качестве оправдания агрессивного характера этих выступлений. Можно было бы отдельно остановиться на том, что во всех трёх делах были сформированы наборы негативных ярлыков и штампов в отношении нормативных институтов, однако это потребовало бы отдельного разбора каждого дела на предмет справедливости и доказанности обвинений в адрес этих институтов. Для нас важно то, что в общественном сознании за каждым делом быстро закреплялась однозначная оценка (негативная по отношению к нормативным институтам), не подразумевающая дискуссии и маркирующая возможные сомнения в негативной роли институтов как аморальные. Метафора разрушения политического пространства подразумевает, что в результате не происходило «расщепления» институтов с той нормативностью, которую они должны воспроизводить и поддерживать, а, напротив, вследствие дискредитации института вместе с ним дискредитируется и нормативность (внешняя, структурно и институционально объективированная), которая постепенно заменяется альтернативной

¹⁵ Последние годы СССР описываются метафорой «разрушение политического пространства» почти идеально: тут вам и дезорганизация политической деятельности и процессов на всех уровнях, и дезориентация сознания вследствие деидеологизационного краха нормативности, и политическая деидентификация, и обнуление доверия к большинству политических и управляющих институтов, в общем, размытие правил и разрушение границ, сплошная «чёрная дыра».

нормативністю. Источником альтернативной нормативности при этом является население (определённая его часть), маркируемая как гражданское общество, радикально противостоящее всем официальным институтам. Эти нюансы вполне возможно проследить по дискурсивному оформлению рассматриваемых событий, однако это – отдельная исследовательская задача, не выполнимая в рамках статьи. Ограничимся выдвиганием гипотезы о том, что указанные особенности имели место. Впрочем, оценка протестов и бунтов как самоорганизационных проявлений гражданского общества, как безальтернативного гражданского протеста достаточно масштабно была представлена в СМИ и в заключениях публичных социологов, так что гипотезу можно считать обоснованной; отметим также, что принятие такой оценки вовсе не отменяет уместности нашей абсолютизированной метафоры разрушения политического пространства, если дискредитация нормативных институтов совпадала с дискредитацией нормативности как таковой.

Обозначение рассматриваемых событий как индикаторов разрушения политического пространства иллюстрируют данные социологических опросов 2012-го – 2013-го годов. Так, проведенный Фондом «Демократические инициативы» на пике скандального дела Оксаны Макар всеукраинский опрос показал «крайне негативную оценку» гражданами деятельности милиции, прокуратуры и судов (более 60% негативных оценок). И, что гораздо важнее для проверки нашей гипотезы, более половины опрошенных поддержали самосуд либо как единственный, либо как допустимый метод наказания преступников¹⁶. Чтобы утверждать наличие связи между этими данными и уже восьмидесятипроцентной поддержкой самосуда¹⁷ весной 2013-го года, а также более чем семидесятипроцентным недоверием милиции и судам летом¹⁸ и в конце 2013-го года¹⁹, необходимо, безусловно, отдельное исследование. Однако готовность более половины опрошенных в 2013-м году безоговорочно признавать действия милиции во время массовых выступлений незаконными вполне укладывается в логику разрушения политического пространства. Мы не можем утверждать, что эта готовность – следствие дискредитации институциональной (в частности государственной) нормативности, однако у нас есть основания выдвигать подобную гипотезу. И, тем более, есть основания говорить о работоспособности метафоры разрушения политического пространства в украинском кейсе, особенно если учесть, что приведённые данные по недоверию к милиции и судам дополняются аналогичными данными по всем собственно политическим институтам, начиная от партий и заканчивая правительством. Как уже отмечалось, само по себе недоверие к ним ещё не говорит о разрушении политического пространства, однако как один из показателей внимания, безусловно, заслуживает, как и, например, почти шестидесятипроцентная готовность либо к полному, либо к частичному авторитаризму в исследовании, посвящённом 22-й годовщине украинской независимости²⁰. В связи с этой готовностью нельзя не упомянуть о концепции авторитарной личности Теодора Адорно и предположить, что разрушение политического пространства может выступать одним из факторов становления такой личности в масштабах конкретного общества. Авторитаризм такого рода может быть простейшей защитной реакцией, когда личность приписывает авторитету способность восстановления границ, вех, реперных точек, в общем, способность «собрания пространства воедино», ту самую способность, которую утрачивают вследствие дискредитации нормативности институты. Кстати, отмечаемая в приведённых опросах относительно низкая готовность населения лично участвовать в протестах (в том числе и в конце 2013-го года, в разгар «Евромайдана») не противоречит метафоре разрушения политического пространства: мы не случайно акцентировали внимание на восприятии, а не на деятельности, ведь достаточно того, чтобы дискредитация нормативности вела к готовности одобрить или поддержать разрушительные (по факту, а не по намерению) действия других, чтобы разрушение политического пространства продолжалось.

Очевидно, что нашему тесту не хватает масштабной самостоятельной эмпирической проверки, но это уже совершенно другая задача. Поскольку нашей целью была диагностика критического потенциала метафоры «разрушение политического пространства» применительно к разделённому обществу, для её достижения вполне достаточно тех эмпирических иллюстраций, которые нами сделаны. Что же до масштабной эмпирической проверки, то она была бы необходима в том случае, если бы от метафоры

¹⁶ Оцінка населенням правоохоронної системи. Ставлення українців до самосуду [Електронний ресурс] // Фонд Демократичні ініціативи. – 6 червня 2012 р. – Режим доступу: <http://dif.org.ua/article/otsinka-naselennyam-pravookhoronnoi-sistemi-stavlennya-ukraintsiv-do-samosudu>

¹⁷ Весняна хвиля протестів: підсумки і прогнози [Електронний ресурс] // Фонд Демократичні ініціативи. – 11 червня 2013 р. – Режим доступу: <http://dif.org.ua/article/vesnyana-khviya-protestiv-pidsumki-i-progozi>

¹⁸ Громадський сектор і політика: взаємодія, нейтралітет чи боротьба? [Електронний ресурс] // Фонд Демократичні ініціативи. – 17 липня 2013 р. – Режим доступу: <http://dif.org.ua/article/gromadskiy-sektor-i-politika-vzaemodiya-neytralitet-chi-borotba>

¹⁹ Громадська думка: підсумки 2013 року [Електронний ресурс] // Фонд Демократичні ініціативи. – 27 грудня 2013 р. – Режим доступу: <http://dif.org.ua/article/gromadska-dumka-pidsumki-2013-roku>

²⁰ Україні - 22: думка громадян [Електронний ресурс] // Фонд Демократичні ініціативи. – 21 серпня 2013 р. – Режим доступу: <http://dif.org.ua/article/ukraini-22-dumka-gromadyan>

«разрушения политического пространства» мы бы переходили к концептуализации и построению теории, о чём речь пока не идёт.

Таким образом, нам удалось зафиксировать, пусть и достаточно поверхностно, критический потенциал метафоры «разрушение политического пространства». Что же даёт нам критическая абсолютизация метафоры политического пространства применительно к разделённому обществу? Во-первых, возможное объяснение разделённости – как её характера, так и предпосылок. Во-вторых, возможный прогноз перспектив разделённого общества. Ведь процессы, характерные для разделённого общества (такие, как радикализация поддержки интеграционных/дезинтеграционных проектов, вытеснение ценностно-однородных конкурентных групп на «нефункциональную обочину» политического пространства и т.д.), имеют множество точек пересечения с дискредитацией и разрушением нормативности, с размыванием правил и границ и т.д. В-третьих, говоря о разрушении политического пространства, мы, вопреки «очевидной» негативности этой метафоры, снижаем, тем не менее, вероятность оценочных ассоциаций, которые не позволяют многим коллегам смириться с отнесением Украины к обществам разделённым. Подспудное желание «списать» эту разделённость на результат неких политических интриг вполне понятно, ведь разделённость общества гораздо глубже разделённости политики, глубже и «апокалипсичнее»: недаром некоторые теоретики разделённого общества (Эрик Нордлингер, Дональд Горовиц и др.) рекомендуют таким обществам доводить разделение до логического завершения, чтобы не тратить впустую ресурсы [2]. В то же время разрушение политического пространства не ведёт к необратимому состоянию, оно обратимо, как и всё политическое; а метафорический характер этого словосочетания на фоне онтологической безнадёжности разделённого общества даёт шанс пусть и на безосновательный, но всё же оптимизм. Наконец, есть и противоположный, но не менее полезный эффект применения метафоры разрушения политического пространства: она позволяет подчеркнуть, «подсветить» те процессы, которые старательно (хотя и не всегда осознанно) маскируются в общественном и научном дискурсе; эта метафора может использоваться в качестве критического инструмента «вскрытия» дискурса, и тем самым прояснять пусть и неприглядные, но необходимые для понимания общества его свойства и характеристики.

ЛИТЕРАТУРА: 1. Венгеров А. Б. Политическое пространство и политическое время (Опыт структурирования понятий) / А. Б. Венгеров // *Общественные науки и современность*. — 1992. — № 6, — С.49-63. 2. Дубликаш Т. Н. Радикализм в идеологиях и практиках поддержки интеграционных и дезинтеграционных проектов в разделённых обществах / Т. Н. Дубликаш, А. Д. Литовченко, Е. С. Мурадян, В. С. Никулин // *Методология, теория и практика социологического анализа современного общества. Сборник научных трудов*. — Х.: Издательский центр Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина, 2015. — 38-45. 3. Литовченко А. Метафоричность языка политической социологии и «разрушение» политического пространства / Артем Литовченко // *Соціологія та суспільство: взаємодія в умовах кризи. II Конгрес САУ: тези доповідей*, (Харків, 17-19 жовтня 2013 р.) — Х.: ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2013. — с. 292-294. 4. Литовченко А., Мурадян Е. Ценностная обусловленность радикализации разделённых обществ / Литовченко А., Мурадян Е. / *Держава та глобальні соціальні зміни: історична соціологія панування та спротиву в епоху модерну: матеріали міжнародної наук.-практ. конф.* (м. Київ, 26-27 листопада 2015 р.) / Укладачі А. А. Мельниченко, П. В. Кутуєв, А. О. Мігалуш. — К.: Талком, 2015. — 652 с. 5. Поступной А. Н. Преподавание социологии в Украине: состояние и перспективы / Поступной Александр Николаевич // *Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Серія «Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи»*. — 2017. — №38. — с. 140-146. 6. Филиппов А. Ф. Автореферат на соискание ученой степени доктора социологических наук по спец. 22.00.01 «Теоретические основания социологии пространства». — Москва, 2003. — 24 с. 7. Филиппов А. Ф. *Социология пространства* / Филиппов Александр Фридрихович — Серия: Civitas Terrena. М: Издательство: Владимир Даль, 2008 г. — 290 с. 8. Филиппов А. Ф. *Элементарная социология пространства* / Филиппов Александр Фридрихович // *Социологический журнал*. — 1995. — № 1. — С. 45-69. 9. Litovchenko A, Muradyan O. Preconditions for Regional Divisions in Ukraine and the Global Implications of the Ukrainian Crisis / Artyom Litovchenko, Olena Muradyan // *Uluslararası Politikada Ukrayna Krizi / Editörler Hasret Çomak, Caner Sancaktar, Zafer Yıldırım'in yürüttüğü*. - Istanbul: BETA, 2014. - с. 37-112. 10. Litovchenko A., Muradyan O. Social and Political Preconditions for Regional Divisions in Ukraine / Artyom Litovchenko, Olena Muradyan // *Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна*. — № 1148. — 2015. — *Sociological studies of contemporary society: methodology, theory, methods*. — Харків: Видавничий центр Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. — с. 90-100.